АКАДЕМИЯ НАУК СССР

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО КОМПЛЕКСНОЙ ПРОБЛЕМЕ
«ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

НАУЧНЫЙ СОВЕТ «ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО И КОММУНИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СССР»

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

XX ВЕК

Ответственный редактор
доктор исторических наук
К. В. ГУСЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1985

зации масс»[9] и устойчивой опорой НДПА, правительства ДРА. Афганская молодежь, получившая современное образование и вырвавшаяся из оков мракобесия и предрассудков, порожденных старыми отжившими общественными укладами, проникается новыми идеями и твердо принимает революционную идеологию рабочего класса.

В ходе классовой борьбы, особенно на данном этапе революции, происходит становление прогрессивной патриотической интеллигенции и сближение ее с народом, НДПА и правительством ДРА на пути демократии и социального прогресса.

---

[1] Парчам, 1968, 9 нояб.
[2] Тезисы ЦК НДПА к второй годовщине Саурской революции. Кабул, 1980, тез. 7.
[3] Там же, тез. 8.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 199.
[5] Там же, т. 7, с. 345.
[6] Там же, т. 44, с. 174.
[7] Хакикате энклобе саур (орган ЦК НДПА), 1980, 7 сент.
[8] Там же.
[9] Тезисы ЦК НДПА к второй годовщине Саурской революции, тез. 2.

СОДЕРЖАНИЕ

III

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ РОССИИ

IV

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И В ГОДЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

V

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ПООКТЯБРЬСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

[34] Ibid., p. 326.
[35] *Reade Ch.* Religion, Revolution and the Russian: Intelligentcia, 1900—1912. The vephi Debate and its Intellectual background. L., 1979.
[36] Ibid., p. 178.
[37] Ibid., p. 180.

●

С. А. ФЕДЮКИН

ОКТЯБРЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
(некоторые методологические аспекты проблемы)

Изучение проблемы «Октябрь и интеллигенция» опирается на обширное научное наследие В. И. Ленина, на теоретическую и практическую деятельность Коммунистической партии. Во множестве своих печатных и устных выступлений послеоктябрьского периода Ленин затрагивал проблему интеллигенции [1]. Его мысли и высказывания имеют огромную ценность для разработки теоретических вопросов исторической науки, марксизма-ленинизма в целом.

В. И. Ленин считал привлечение интеллигенции к строительству нового общества одним из непременных условий победы социализма, а использование буржуазных специалистов определил как форму классовой борьбы. Он сформулировал основные принципы отношения диктатуры пролетариата к интеллигенции, главными из которых являлись: привлечение к строительству нового общества всей интеллигенции, независимо от ее политических воззрений, контроль за ее деятельностью, учеба рабочих и крестьян у буржуазных специалистов, перевоспитание буржуазной интеллигенции в социалистическом духе, создание новых кадров интеллигенции.

В. И. Ленин неоднократно указывал, что наш опыт в решении проблемы интеллигенции может быть полезен для рабочих других стран. Так, при подготовке доклада о диктатуре пролетариата он в качестве одной из рекомендаций братским коммунистическим партиям указал на необходимость нейтрализации буржуазной интеллигенции с тем, чтобы не дать ее колеблющимся слоям уйти в лагерь контрреволюции [2].

Напоминая о заслугах Ленина в разработке столь сложного вопроса, нельзя не сказать и о том исключительном влиянии, которое он оказывал на интеллигенцию как политический деятель, корифей науки, «с ног до головы русский интеллигент», как сказал о нем А. В. Луначарский. Его громадные знания, глубокая эрудиция, такт, политическая гибкость в решении многих «тонких» вопросов, доскональное знание путей и перепутий российской интеллигенции — все это играло важнейшую роль в завоевании симпатий образованных людей старого общества.

Следуя идеям В. И. Ленина, партийные, советские, хозяйственные и военные органы уделяли первостепенное внимание проблеме интеллигенции. Трудно назвать партийный или профсоюзный съезд, съезд Советов в первые годы Советской власти, на котором в той или иной

форме не ставился бы вопрос о политике рабочего класса в отношении интеллигенции. Насколько важна была эта проблема для молодого Советского государства, можно судить по тому, что VIII съезд РКП(б) особый раздел партийной программы посвятил вопросу о буржуазных специалистах.

Включение в программу РКП(б) специального раздела, определявшего отношение партии к интеллигенции, было смелым, новаторским и творческим актом. Подобных пунктов до того не включала в свою программу ни одна социал-демократическая или рабочая партия.

Жизнь показала глубокую правильность и оправданность этого решения. Вопрос об интеллигенции имел большое значение и в смысле теоретическом, ибо его правильная постановка указывала пути расширения социальной базы революции за счет так называемых средних слоев, приобретения новых союзников рабочего класса, и в смысле повседневной практики, потому что интеллигенция являлась крупной культурной силой, обойтись без которой было нельзя.

Анализ ленинской политики партии в отношении интеллигенции, обширного фактического материала дает возможность уточнить ряд вопросов, касающихся определения роли и места интеллигенции в революции, относительно которых в нашей литературе нет единого мнения и которые требуют дальнейшего исследования. Первый из них — это вопрос о политической роли интеллигенции в революции. Хорошо известно, что революции — это не бунт, не стихийное выступление масс. Что же касается Октябрьской революции, то она была прекрасно подготовлена и организована. Несомненно, первенствующую роль во всем этом сыграл рабочий класс. Его динамизм, сплоченность и целеустремленность явились важнейшими условиями успеха революции. Но этого мало. Как и во всяком большом деле, в котором принимают участие миллионы людей, нужен штаб, идейно-теоретический центр руководства движением. Такой центр рабочий класс, партия коммунистов имели в лице партийной большевистской интеллигенции. Это была не такая уж незначительная по численности группа. К концу 1917 г. в большевистской партии состояло приблизительно 30—35 тыс. интеллигентов, или 10% от общего количественного состава партии [3].

Интеллигенты-революционеры входили в руководящее ядро большевистской партии. Это была наиболее передовая часть интеллигенции, самоотверженно отдавшая силы, знания, жизнь делу революции. Многие из интеллигентов-большевиков были профессиональными революционерами, в течение многих лет под руководством В. И. Ленина готовившими рабочий класс к свержению власти помещиков и буржуазии. На их плечи легла огромная организаторская и политическая работа по подготовке масс к революционному выступлению и установлению Советской власти.

Большевистская партийная интеллигенция сыграла выдающуюся роль в непосредственном проведении вооруженного восстания в Петрограде. В состав партийного центра по руководству восстанием входили профессиональные революционеры А. С. Бубнов, Ф. Э. Дзер-

жинский, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, М. С. Урицкий. Членами Петроградского ВРК, являвшегося органом Петросовета по непосредственному руководству восстанием, наряду с рабочими, солдатами, матросами, были и офицеры-большевики Н. В. Крыленко, Ю. М. Коцюбинский, И. П. Павлуновский, М. В. Пригоровский, учитель И. П. Флеровский, инженер А. Д. Садовский, партийный журналист К. С. Еремеев, врач В. А. Аванесов, юрист Н. И. Подвойский и другие интеллигенты-революционеры.

Большую подготовительную работу провели офицеры-большевики. Они обучали красногвардейцев и рабочих военному делу, вели активную организаторскую работу в воинских частях. Офицеры-большевики Г. И. Благонравов, М. К. Тер-Арутюнянц, Э. М. Склянский, И. П. Вишневецкий, Б. М. Занько, Р. Ф. Сиверс, И. И. Вьюшин и другие были посланы в качестве комиссаров ВРК в воинские части для подготовки восстания. Активную работу вели интеллигенты-революционеры по подготовке рабочих масс к вооруженному выступлению на заводах, фабриках, в рабочих кварталах города.

Не менее важной и ответственной была роль интеллигентов-большевиков непосредственно в организации вооруженного восстания. В тройку по техническому его руководству входили Н. И. Подвойский, В. А. Антонов-Овсеенко и Г. И. Чудновский. Во главе штурмующих Зимний дворец рабочих, солдат, матросов шли командиры отрядов офицеры С. С. Петрухин, К. И. Зедин, комиссары Павловского полка О. Д. Дзенис, Семеновского — Ю. М. Коцюбинский, командиры частей и подразделений А. И. Тарасов-Родионов, П. И. Дашкевич, В. В. Сахаров. Непосредственное участие в революционных событиях в Петрограде принимали научные работники И. А. Залкинд, И. В. Егоров, учитель М. Я. Лацис, инженер А. П. Серебровский, поэт А. Н. Поморский, фельдшер А. С. Раков, врачи Е. П. Первухин, М. Н. Барсуков, В. К. Слуцкая и многие другие партийные интеллигенты.

После установления Советской власти партийная интеллигенция играла крупную организаторскую и руководящую роль в защите завоеваний революции и осуществлении социалистических преобразований. В годы гражданской войны численность ее значительно выросла. В 1920 г. интеллигенты и служащие составляли почти четвертую часть от общего состава партии. К этому времени коммунистами были 6,5 тыс. техников и механиков, около 10 тыс. педагогов и других работников народного просвещения, 1,5 тыс. врачей и фельдшеров, 1 тыс. агрономов, землемеров, ученых-лесоводов, 1,6 тыс. инженеров, литераторов, статистиков, юристов, 2 тыс. работников искусства, 5,3 тыс. работников связи, 45 тыс. служащих государственного аппарата, 1,7 тыс. военных специалистов (только в тыловых частях и учреждениях) [4]. Несомненно в действующей армии их было значительно больше. В партию вступили такие бывшие офицеры, ставшие видными советскими военачальниками, как А. И. Егоров, Н. В. Куйбышев, М. А. Демичев, М. Н. Тухачевский, М. Я. Германович, Е. И. Ковтюх, Н. Д. Каширин, М. К. Левандовский, В. М. Орлов и др. В годы гражданской войны с партией связали свою судьбу

многие представители интеллигенции, которые уже были или вскоре стали выдающимися деятелями советской науки, литературы, искусства: Д. А. Фурманов, В. Я. Брюсов, Л. М. Рейснер, А. И. Свирский, В. Э. Мейерхольд, М. К. Курако, Ю. Н. Либединский, С. Сейфуллин, Ф. В. Гладков, О. Ю. Шмидт, Е. С. Варга, П. П. Бажов, В. М. Киршон, М. Е. Кольцов, С. П. Подъячев, В. П. Полонский, А. С. Серафимович, В. П. Сосюра, А. А. Фадеев, И. С. Фефер, Е. Чаренц и многие другие.

Большевистская интеллигенция, являясь примером для всей массы демократической интеллигенции, оказала немалое, словом и делом, влияние на ее позиции и политическое поведение в новых исторических условиях. Рука об руку с большевиками шла та интеллигенция, которая только в революции, совершаемой рабочим классом, видела единственный путь решения острых социальных проблем, вставших перед страной. История того времени знает немало крупных ученых, инженеров, писателей, артистов, врачей, учителей и т. д., которые, поняв, что новый общественный строй несет прогрессивные перемены в судьбах Родины, поставили свои знания и опыт на службу рабоче-крестьянской власти. В декабре 1917 г. В. И. Ленин отмечал, что «образованные люди уже теперь выделяются, переходя на сторону народа, на сторону трудящихся, помогая ломать сопротивление слуг капитала» [5]. Но если они тогда еще только начинали «выделяться», то по прошествии немногим более года В. И. Ленин мог констатировать, что «мы уже добились в среде колеблющейся интеллигенции громадного перелома» [6], что «*каждый месяц* в Советской республике *растет* % буржуазных интеллигентов, *искренне* помогающих рабочим и крестьянам» [7].

В целом же как в период революции, так и в труднейшие годы ожесточенной борьбы за сохранение и упрочение революционных завоеваний, диктатура пролетариата оказалась хорошо обеспеченной интеллектуальными силами. Этот факт может послужить исходным пунктом многих интересных разработок.

Вместе с тем и контрреволюция имела на своей стороне значительные и энергичные кадры высокообразованной буржуазной интеллигенции, которые сплачивали антисоциалистические силы на контрреволюционной идейной платформе, руководили борьбой свергнутых классов. Буржуазная интеллигенция создавала различного рода контрреволюционные центры, составляла белогвардейские правительства, вела антисоветскую пропагандистскую работу, непосредственно руководила вооруженной борьбой. В дни революции, в годы гражданской войны рябушинские предпочитали на первый план выпускать милюковых, струве, савинковых — подлинных инженеров контрреволюции.

Не следует недооценивать силу воздействия контрреволюционной интеллигенции на ход событий. Многие из тех, кто оказался в лагере реакции, были крупными публицистами, литераторами, опытными политиками, талантливыми организаторами, способными военными специалистами. Они сумели организовать и в течение трех лет вести упорную и ожесточенную борьбу против подавляющей массы насе-

ления. Но тем весомее оказалась цена победы большевиков, выигравших ее не только на поле боя, но и в «битве умов».

Таким образом, интеллигенция выполняла роль идейного оформителя и выразителя, а также и практического организатора как революционного, так и контрреволюционного движения. Этот вывод ни в коей мере не означает, что интеллигенция «сделала» революцию, как это утверждают буржуазные историки. Революцию, впрочем как и контрреволюцию, делали классы, а интеллигенция играла весьма важную, но не решающую роль их помощника и союзника. В. И. Ленин указывал, что интеллигенция не представляет самостоятельной политической силы, что, «не примыкая к классу, она есть нуль» [8]. Однако интеллигенция обретает реальную силу, если она последовательно выступает в защиту интересов того или иного класса, переходит на его позиции. В то же время сила класса в немалой мере зависит от возможностей и способностей поддерживающей его интеллигенции, от степени ее усилий и активности в решении классовых задач.

Не меньший интерес представляет вопрос, который в той или иной форме затрагивается во многих работах советских и зарубежных исследователей, а именно вопрос об отношении интеллигенции к революции, а точнее политическом размежевании этого социального слоя. Буржуазные ученые утверждают, что революция вырыла глубокую пропасть между народом и интеллигенцией. Но здесь требуется одно существенное уточнение. Эта пропасть образовалась между народом и контрреволюционной интеллигенцией, а не между народом и интеллигенцией вообще. Революция показала, что не было единой интеллигенции, как не было ее пресловутой надпартийности и надклассовости. С буржуазией пошла одна часть интеллигенции, с революцией — другая. Опыт развития революции показал, что пролетариат, вступая в полосу непосредственной борьбы за власть, не остался без интеллигенции вообще. На его стороне выступила наиболее активная и энергичная, сильная верой в народ, в необходимость социальных перемен часть интеллигенции, которая явилась верным союзником рабочего класса в его борьбе за свержение буржуазии и установление диктатуры пролетариата.

Но какие массы интеллигенции оказались по ту и эту сторону баррикад? В течение долгого времени в советской историографии было принято считать, что после Октября интеллигенция разделилась на три группы: наименее квалифицированная часть интеллигенции приветствовала революцию и содействовала ее победе, средние слои заняли нейтральную позицию, верхи революцию встретили враждебно. Соответственно считалось также, что буржуазная интеллигенция целиком была контрреволюционной, а мелкобуржуазная или колебалась, или была на стороне революционного народа. И когда заходила речь об учителях, техниках, агрономах и других массовых профессиях, то обычно подчеркивалось, что эти люди восторженно встретили революцию.

Такое непосредственное соотнесение иерархического положения отдельных групп интеллигенции с их политической реакцией на ре-

волюцию представляется слишком прямолинейным и однозначным. Оно не учитывает «индивидуализма» интеллигентов, на который указывал Ленин, оставляет в стороне сложности и противоречия мировоззрения отдельных личностей внутри какой-либо группы или слоя интеллигенции. В самом деле, как, придерживаясь этой схемы, можно объяснить, что, например, барон генерал фон Таубе командовал в Сибири советскими войсками и погиб в застенках колчаковцев, а там же, в Сибири, учитель Пепеляев возглавил колчаковское правительство, что значительная часть учителей и врачей объявила саботаж?

В определении послеоктябрьской позиции того или иного интеллигента его социальное происхождение или его профессиональный, иерархический ранг не всегда играли решающую роль. Поэтому точнее будет полагать, что каждая из групп интеллигенции — высшая, средняя, низшая — не была едина в смысле своего политического облика, что в отношении к революции разделительная линия проходила не только между названными группами интеллигенции, но и внутри этих групп. Так что необходим сугубо дифференцированный подход. Это — важнейшее методологическое условие изучения истории интеллигенции того периода.

Столь же неточно отражающими историческую реальность представляются попытки некоторых советских исследователей отодвинуть далеко вправо позиции интеллигенции во время Октябрьской революции и последовавшей затем гражданской войны. Указывая на саботаж и контрреволюционные действия части интеллигенции, они готовы поставить под сомнение демократизм основной массы этого общественного слоя. И здесь необходим дифференцированный подход.

Действительно, позорный саботаж части интеллигенции имел место. В него были вовлечены главным образом государственные служащие, врачи, учителя. Кстати сказать, он не был явлением повсеместным, поголовным и хроническим, как пишут некоторые исследователи. К весне 1918 г. активный и организованный саботаж был сломлен. Также верно и то, что определенная часть интеллигенции выступила как идейный враг диктатуры пролетариата, сражалась до конца, а уцелевшие ушли в эмиграцию и там продолжали бороться против Советского государства.

Антисоветизм этой части интеллигенции получает в советской литературе отображение объективное, хотя и наблюдается такое явление, как излишне расширительное толкование понятия контрреволюционности интеллигенции, распространение этой ее оценки на слои и группы, которых к активным врагам Советской власти причислить нельзя. Думается, что такая тенденция идет еще от первых лет революции, когда под влиянием чрезвычайной остроты классовой борьбы левацких элементов, а также поведения части интеллигенции сложился комплекс представлений об интеллигенции только как о силе всецело антиреволюционной. Видимо, по этой причине история интеллигенции, особенно на революционном переломе, стала глубоко изучаться немногим более двух десятилетий назад.

Не можем ли мы сказать, что основная, подавляющая часть ин-

теллигенции занимала активные антисоветские позиции и по мыслям своим и по делам? Утверждать так нет оснований. В пользу этого мнения история дает обильный материал. Взять хотя бы, в качестве примера, вооруженное восстание в Петрограде. Передовая, наиболее демократическая часть интеллигенции приняла самое деятельное участие в свержении Временного правительства. Из более чем 500 активных участников вооруженного восстания в Петрограде, чьи краткие биографии приведены в известном двухтомном сборнике «Герои Октября», более 40% — это интеллигенты, большевики или беспартийные [9], причем там можно найти и простого учителя, и доктора Сорбонны. Демократическая интеллигенция принимала активное участие в установлении Советской власти на местах. Ее представители входили в состав новых органов власти, возглавляли хозяйственные и культурные учреждения, занимали важные посты в Красной гвардии и Красной Армии. Вместе с рабочими и крестьянами передовая демократическая интеллигенция отстаивала завоевания Октябрьской революции.

Однако не вся демократическая интеллигенция поддерживала пролетарскую революцию и большевиков. Значительная часть ее состояла в мелкобуржуазных партиях. Недаром некоторые современники партию эсеров называли «учительской партией». Октябрь нанес сильнейший удар по этим партиям, ускорил процесс их раскола, дробления, а затем и окончательного распада. Лидеры, верхушечная часть эсеровской и меньшевистской партий с первых же дней революции заняли сугубо враждебные, контрреволюционные позиции, что привело их затем в лагерь белогвардейщины. Достаточно вспомнить такие имена, как Б. Савинков, Н. Чайковский, В. Чернов и др. Что же касается рядовой массы, то ее отношение к социалистической революции было неоднозначным. Многие эсеры, меньшевики во все годы революции, гражданской войны шли за своими вождями, являлись активными участниками борьбы против диктатуры пролетариата. Другие же, особенно из левых эсеров, одни раньше, другие позже, поняли великую правоту большевизма и выступили на стороне революционного народа. Так, уже в дни вооруженного восстания в Петрограде офицер Ю. В. Саблин был членом ВРК, одним из руководителей разгрома калединщины. Вскоре он вступил в большевистскую партию, командовал дивизиями, армейскими группами, принимал активное участие в подавлении кронштадтского мятежа. То же самое можно сказать о будущем маршале А. И. Егорове. Таких примеров немало.

Ленинская линия — контрреволюцию отсекать, культурно-буржуазный аппарат использовать — позволяла, учитывая колебания эсеро-меньшевистской интеллигентской массы, получать полезных работников в различных сферах экономики, культуры. Отмечая, что меньшевистская партия состоит преимущественно из слоя мелкой интеллигенции, В. И. Ленин указывал, что «этот слой отходит к нам. Мы его весь заберем, как слой. Каждый раз, когда они идут к нам, мы говорим: „Милости просим". При каждом из этих колебаний часть их отходит к нам. Так было с меньшевиками и новожизненцами, с эсерами, так будет со всеми этими колеблющимися элементами...» [10].

Логика революции, а также идейный крах мелкобуржуазного демократизма привели в ряды коммунистов немало эсеров и меньшевиков, воочию убедившихся в жизненности и народности партии рабочего класса. К середине 1922 г. в РКП(б) состояло до 22,5 тыс. выходцев из мелкобуржуазных партий и группировок [11]. Среди них значительную часть составляли интеллигенты. Такие люди, как С. И. Аралов, А. И. Егоров, С. Г. Лазо, М. К. Левандовский, Ф. К. Миронов, Д. А. Фурманов и многие другие выходцы из мелкобуржуазных партий, стали подлинными большевиками-ленинцами. В русле борьбы за социалистическую революцию лежала деятельность таких ученых, как А. Н. Бах, П. П. Блонский, Л. В. Писаржевский, а также многих учителей, агрономов, врачей и других представителей интеллигенции, ранее состоявших в эсеровской и меньшевистской партиях. Историческая действительность наглядно опровергает утверждения буржуазных историков и публицистов о том, что российская интеллигенция целиком и полностью не приняла Октябрь, что социалистическая революция не нашла поддержки в образованных слоях общества. Факты убеждают, что на сторону пролетарской революции перешло немало даже тех людей, которым по их партийной принадлежности следовало бы отвергнуть ее.

Но здесь речь идет о наиболее активной в политическом отношении части демократической интеллигенции. А каковы были позиции тех ее групп, которые не ушли в стан контрреволюции, но и не заявили открыто о поддержке новой власти, а заняли так называемую нейтральную позицию? Ведь это была наиболее массовая часть интеллигенции. Обычно, когда пишут о настроениях интеллигенции в те годы, то приводят в качестве примеров высказывания, декларации, заявления тех или иных интеллигентов как показатель их политических симпатий и антипатий. Эти высказывания были отнюдь не в пользу большевиков. Но всегда ли за словом следовало дело? Далеко не всегда. Именно за многоречивость и неумение воплотить звонкие фразы в конкретные дела критиковал русскую интеллигенцию В. И. Ленин. В определении удельного веса враждебных и лояльных пролетарской власти слоев интеллигенции нельзя судить только лишь по настроениям и эмоциям самих интеллигентов. В этом плане представляется весьма интересным замечание сибирских историков С. А. Красильникова и В. Л. Соскина о том, что «недопустимо смешение враждебных настроений, довольно массовых в тот период, с враждебной деятельностью, которой занимались лишь определенные группы. И столь же необоснованно ставить знак равенства между позицией неучастия в саботаже и лояльным отношением к Советской власти» [12].

Факты свидетельствуют, что очень многие интеллигенты не поняли революции, не сочувствовали идеям большевиков, высказывали резкую критику в их адрес. Но эти люди делали главное для республики — они работали. Инженер продолжал трудиться на заводе, врач — лечить, учитель — учить детей. Десятки тысяч специалистов

трудились в промышленности, сотни тысяч — в системе народного просвещения, культуры, сотни же тысяч служили в государственном аппарате, 75 тыс. бывших офицеров и генералов стали командирами Красной Армии. Уже вскоре после свершения революции большинство интеллигенции работало на советских предприятиях и в учреждениях.

Все это позволило новому строю получить огромный выигрыш. В самом деле, уже в первые годы революции значительно увеличилось число детей в школах. Промышленность в условиях разрухи и войны все же поддерживалась, хотя и на очень низком уровне. Сложился новый государственный аппарат, была создана регулярная армия. Конечно, только своими силами рабочий класс не смог бы справиться с огромными и сложными задачами, если бы не труд интеллигенции.

Вот почему представляется, что основным и наиболее объективным критерием лояльности или враждебности интеллигенции были не слова и настроения, а конкретные дела, ее реальный вклад в укрепление диктатуры пролетариата. И если без привходящих эмоциональных наслоений, основываясь на реальном анализе положения молодой Советской республики, попытаться оценить, каков же был вклад интеллигенции в успех Октябрьской революции — хотя бы в лице большевистской и близких к ней кругов демократической интеллигенции, в поддержание народного хозяйства и развитие культуры —в лице так называемой нейтральной интеллигенции, в победу над интервентами и белогвардейцами — в лице военных специалистов, о которых Ленин говорил, что без них не было бы побед Красной Армии, то следует признать, что он, этот вклад, был весьма значительным, объективно имеющим жизненное значение для судеб революции и диктатуры пролетариата. В массе своей интеллигенция тогда не понимала политических целей коммунистов. Пройдет немного времени и она прекрасно будет разбираться в большевистской политике.

Таким образом, опыт Октябрьской революции свидетельствует, что рабочий класс взял власть в свои руки без непосредственной помощи широких масс интеллигенции. Но удержать ее, а тем более закрепить, добиться победы социализма, без интеллигенции невозможно. В. И. Ленин подчеркивал: «Нельзя построить коммунизм без запаса знаний, техники, культуры, а он находится в руках буржуазных специалистов. Среди них большинство не сочувствует Советской власти, но без них построить коммунизм мы не можем» [13]. В этом заключалась одна из диалектических особенностей становления социалистического общества.

Вместе с тем следует иметь в виду, что интеллигенция, особенно буржуазная, не была тем слоем, который всецело определял интеллектуальный потенциал страны. Буржуазная интеллигенция была сильна своими специальными знаниями, опытом, культурными навыками, но в то же время она отнюдь не являлась «солью земли», «разумом народа», как ее пышно именовали буржуазные публицисты. Интеллектуальные силы трудового народа, пробужденные к активному творчеству революцией, оказались способными не только усвоить лучшие достижения буржуазной цивилизации, но и создать новую культуру, более жизнеспособную и прогрессивную, нежели культура эксплуататорского общества.

И еще один вопрос — о мотивах, побуждавших старую интеллигенцию изменять свое отношение к Советской власти. Не так давно бытовало мнение, что главным рычагом, при помощи которого удалось вовлечь интеллигенцию в строительство новой жизни, было насилие. Во взаимоотношениях Советской власти и интеллигенции фактор принуждения имел место. Но он, конечно, не играл первенствующего значения, и позже советские историки отказались от трактовки насилия как метода, игравшего главную роль в повороте интеллигенции к Советской власти. Сейчас в большинстве трудов господствует мнение, что наиболее эффективным побудительным мотивом изменения интеллигенцией своей политической позиции был фактор материальный, что прежде всего в силу заботы партии и государства о материальном благополучии интеллигенции она пошла на службу диктатуре пролетариата. Остальные факторы отодвигаются на второй план или вообще не упоминаются.

На самом деле все обстояло значительно сложнее. Конечно, государство делало все возможное для облегчения материальных трудностей интеллигенции. Но вместе с тем следует иметь в виду, что возможности его были весьма ограниченными. Уровень жизни интеллигенции всех ее групп не только в годы революции, но и вообще в переходный период был значительно ниже дореволюционного.

В том, что интеллигенция в массе своей повернула в сторону сотрудничества с Советской властью, особенно большую роль играли факторы морального порядка. Здесь в первую очередь следует сказать о демократических воззрениях и традициях российской интеллигенции. Многие авторы, пишущие о предоктябрьском периоде истории нашей страны, полагают, что после первой русской революции интеллигенция заняла веховские, реакционные позиции, а если речь зайдет о ее народолюбии, то это слово не преминут взять в презрительные кавычки, давая понять читателю, что она таковой не была и ей были чужды интересы и нужды народа.

Подобную огульно негативную оценку общественной и политической позиции интеллигенции следует считать сугубо несправедливой. Необходимо не упускать из виду, что этот социальный слой был неоднородным и столь же неодинаковыми были и его политические позиции. Была интеллигенция Бердяева, Милюкова, Струве, но была и интеллигенция Ленина, Горького, Тимирязева, тысячами нитей связанная с народными массами, вышедшая из их среды, питающаяся их настроениями и защищающая их интересы. Демократизм основной массы интеллигенции, ее добросовестное служение народу в условиях самодержавия, даже в самые глухие годы реакции, не подлежит сомнению. Демократическая интеллигенция занимала далеко не последнюю роль в расшатывании института самодержавия, за что в полной мере подвергалась репрессиям. Достаточно сказать, что накануне 1917 г. среди политических ссыльных в Сибири группа ин-

теллигентов была второй по численности после рабочих — около 40% [14]. Несомненно, демократические традиции интеллигенции сыграли положительную роль в процессе перехода ее большинства на службу народному государству.

Далее, советскими авторами совершенно оставляется в стороне такой важный фактор изменения позиции интеллигенции, как патриотизм самой интеллигенции, глубоко патриотическая деятельность Коммунистической партии и Советской власти. Их внешняя и внутренняя политика была направлена на сохранение и упрочение единства страны, укрепление ее экономической и оборонной мощи, развитие культуры, повышение международного престижа государства. Эта сторона деятельности партии и Советской власти не могла не импонировать подавляющей массе интеллигенции, постепенно понимавшей, что коммунисты не будут, подобно царской камарилье, торговать интересами России. Эти люди осознавали, что Россия прекратит свое существование, будет превращена в полуколонию империалистических государств, если не устоит Советская власть. Отсюда — стремление в той или иной форме помочь революционному народу в его борьбе с врагами, с грозными последствиями хозяйственного разорения. Именно этими благородными побуждениями руководствовался всемирно известный ученый металлург Д. К. Чернов, когда в 1920 г. отверг самые блестящие предложения зарубежных промышленных магнатов и категорически отказался взойти на борт специально присланного за ним из Англии в Крым миноносца. Л. В. Собинов категорически отверг самые блестящие предложения променять тяжелую русскую действительность на безбедное существование во Франции или США. «Что бы ни было и как бы ни было, а из России я никуда не уеду» [15],— заявил он. Этими же мотивами руководствовалась группа видных генералов во главе с А. А. Брусиловым, когда она обратилась с воззванием ко всем бывшим офицерам с призывом добровольно идти в Красную Армию и служить там не за страх, а за совесть, «дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения» [16].

И не только в годы революции и гражданской войны, но и в последующий период любовь к Родине, к России была действенным фактором сближения старой интеллигенции с социальным строем, порожденным Октябрьской революцией. Мысль, что Советская власть, большевики делают важное национальное дело, укрепляя единство страны и защищая ее от иноземных захватчиков, сыграла немалую роль в переходе значительной массы интеллигенции к активной поддержке Советской власти. Сменовеховец Ю. Потехин — лидер этого движения, так говорил о причинах возвращения в СССР: «Веления патриотизма были и остаются тем категорическим императивом, который привел нас из белого лагеря в Красную Москву» [17].

Следует сказать также о любви деятелей науки, культуры к своему делу, об осознании интеллигенцией необходимости своего труда для общенародного дела. Общеизвестно замечание В. И. Ленина о том, что интеллигент придет к социализму *«через данные своей науки»* [18]. История Октябрьской революции и гражданской войны дает множество примеров, иллюстрирующих и подтверждающих правоту этой ленинской мысли. Авторы многих трудов не забывают привести соответствующую цитату, но развернуть это ленинское положение на конкретном историческом материале почему-то зачастую воздерживаются. Эту ленинскую мысль лучше нас, историков, поняли писатели, художники театра, кино. Достаточно напомнить, какой большой художественной силы образ инженера Забелина создал Н. Погодин в пьесе «Кремлевские куранты».

Серьезным мотивом, побуждавшим интеллигенцию сотрудничать с новой властью, являлась политика партии и государства в отношении культурного наследия. Известно, что тенденциозные представления о всеобщем крушении культуры, о гибели цивилизации, которые несет революция, были тогда свойственны довольно широким кругам интеллигенции. «Погибающую» культуру оплакивали представители старой, буржуазной интеллигенции — растерзанной, отчаивающейся, стонущей, запуганной и запугивающей себя. Анархизм мелкобуржуазных слоев, который ее пугал и отталкивал, она приписывала всем трудящимся. Свои переживания в это сложное время академик С. Ф. Ольденбург впоследствии описал так: «Особенно велика была опасность для культуры, которая глубоко уходила корнями в старую, прежнюю жизнь и потому часто казалась совсем неприемлемой или мало приемлемой для нового строя. И оттого исключительно трудно было найти здесь настоящий путь. Были минуты, когда казалось, что гибнет культура и связанная с нею наука, когда казалось, что никому они не нужны в том великом перевороте, который так быстро совершился» [19].

Что же происходило на самом деле в России того времени?

Социалистическая революция покончила с господством помещиков и капиталистов, сокрушила эксплуататорский строй. Но, разрушив прежние общественные отношения, она не отбросила прочь все, что было создано старым обществом, а многое сохранила и поставила на службу трудовому народу. Это, в частности, относилось к культурным ценностям — материальным и духовным, созданным в условиях эксплуататорского общества. Обеспечить народу доступ к культуре — это ленинское требование было закреплено в программе партии, принятой VIII съездом РКП(б), во множестве декретов Советского правительства, направленных на использование прогрессивных элементов старой культуры для просвещения масс и строительства новой, социалистической культуры. Не будет преувеличением сказать, что буквально на другой день после взятия власти рабочим классом вопросы охраны культурного достояния народа были возведены в ранг вопросов первейшей государственной важности. Конечно, политика большевистской партии и Советской власти в области культуры не могла не находить отклика среди демократической интеллигенции.

Наконец, нельзя не отметить значение такого, сугубо субъективного фактора, как социальная психология интеллигенции. Об этом в исторической литературе почти ничего нет. В последнее время на эту сторону сложного процесса обратил внимание В. С. Волков. Его

статья «Ленинский анализ социальной психологии интеллигенции как составная часть научного обоснования политики партии по отношению к старым специалистам после победы Великого Октября» [20] — одна из немногих работ, в которой подчеркивается значение не только социально-экономических факторов в определении позиции интеллигенции, что обычно и делается, но и факторов субъективных, социально-психологических, которые далеко не всегда принимаются во внимание историками интеллигенции и не избираются объектами исследования. В. С. Волков отмечает, что социальная психология буржуазной интеллигенции имела целый ряд черт и особенностей, серьезно препятствовавших ее переходу на социалистические позиции. И если бы этими чертами и особенностями она, психология, исчерпывалась, то вряд ли такой переход был бы вообще возможен. Но в социальной психологии интеллигенции имелись и такие качества (например, склонность осмысливать общественные явления через призму своего жизненного опыта, профессиональных взглядов, сочувствие обездоленному люду и т. п.), которые помогали ей найти место в стане трудового народа.

Решающую роль в изменении отношения интеллигенции к новому социальному строю сыграла политика Коммунистической партии. Руководствуясь указаниями В. И. Ленина, партия твердо и неизменно проводила в жизнь линию на всемерное привлечение старой интеллигенции к строительству социализма, перевоспитания в духе социалистической идеологии колеблющихся и сомневающихся, решительно пресекая контрреволюционные поползновения реакционной части интеллигенции.

Здесь затронуты лишь некоторые вопросы большой и многогранной проблемы «Октябрь и интеллигенция» — проблемы, настоятельно нуждающейся в дальнейшей углубленной разработке. Даже при наличии ряда значительных трудов она является еще недостаточно изученной во многих своих аспектах. В самом деле, мы не имеем сколько-нибудь обобщающей работы, в которой бы исследовалась история интеллигенции в предреволюционный период, в преддверии Октября. А ведь именно туда уходят начала решений, там завязываются узлы событий и коллизий, там следует искать объяснение мотивов, побудивших ту или иную группу интеллигенции занять определенные позиции в революции. У нас нет ни одного труда, посвященного истории непосредственного участия интеллигенции в октябрьских революционных событиях, в установлении Советской власти на местах. Нет также исследования о роли в революции большевистской партийной интеллигенции. Еще много неясных и спорных вопросов в анализе политического размежевания интеллигенции. Ждет своего исследователя история той части интеллигенции, которая оказалась в лагере контрреволюции. У нас нет труда, в котором бы на обширном историческом материале раскрывался международный аспект темы «Октябрь и интеллигенция».

Перечень недостаточно исследованных или совершенно не затронутых изучением проблем можно продолжить и не только применительно к периоду Октябрьской революции. Однако и из сказанного

ясно, сколь широкое поле деятельности простирается перед историками советской интеллигенции.

---

[1] См.: В. И. Ленин, КПСС об интеллигенции. М., 1979.

[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 450.

[3] Подсчитано по кн.: Личный состав РКП в 1920 г. М., 1921, с. IX—XI.

[4] Личный состав РКП в 1922 г. М., 1923, с. 28—29.

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 198.

[6] Там же, т. 38, с. 169.

[7] Там же, т. 51, с. 25.

[8] Там же, т. 1, с. 441.

[9] Герои Октября: Биографии активных участников подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л., 1967. Т. 1—2. Примечательны следующие факты из биографии беспартийного морского специалиста А. А. Кондратьева, показывающие, что он и люди, подобные ему, являлись не случайными участниками октябрьских событий в Петрограде. Перед ним, лейтенантом, корабельным артиллеристом линкора «Император Александр III», открывалась блестящая военная карьера. Однако в 1916 г., когда 32 матросам, участникам восстания на линкоре «Гангут», угрожала смертная казнь, А. А. Кондратьев добровольно взял на себя их защиту. Он выступил на суде с такой убедительной и блестящей речью, что его аргументы в значительной степени повлияли на приговор: некоторые матросы получили сравнительно мягкие наказания, часть была оправдана. После Февральской революции команда корабля единодушно избрала его своим командиром. По заданию Кронштадтского комитета РСДРП и Кронштадтского Совета он возглавлял колонну матросов, посланную в Петроград в июле 1917 г. для участия в демонстрации против Временного правительства, был контужен во время обстрела, но не покинул матросских рядов. В октябрьские дни по приказу ВРК А. А. Кондратьев прикрывал подступы к Петрограду от генерала Краснова, принимал активное участие в формировании боевых матросских отрядов.

[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 169.

[11] Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. М., 1923, вып. 4, с. 44.

[12] *Красильников С. А., Соскин В. Л.* Октябрь и политические позиции сибирской интеллигенции (к историографии проблемы) — В кн.: Партийные организации Сибири и Дальнего Востока в период Октябрьской революции и гражданской войны (1917—1922 гг.). Новосибирск, 1978, с. 31.

[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 314.

[14] *Хазиахметов Э. Ш.* Сибирская политическая ссылка 1905—1917 гг. (Облик, организации, политические связи). Томск, 1978, с. 21.

[15] Советская музыка, 1957, № 11, с. 29.

[16] Правда, 1920, 30 мая.

[17] *Федюкин С. А.* Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу.

[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 346.

[19] Научный работник, 1926, № 5/6, с. 3.

[20] В кн.: Роль интеллигенции в построении и дальнейшем развитии социалистического общества. Вып. 2. Л., 1978, с. 3—11.

2 Заказ № 956